

I.

Открытие Академіи.

Московская духовная Академія, пребывающая въ обители преподобнаго Сергія, открыта черезъ пять съ половиною лѣтъ по открытіи С.-Петербургской. Это случилось вскорѣ послѣ смерти великаго представителя стараго образования—митрополита Платона, на мѣсто котораго вскорѣ вступилъ великій представитель образования новаго вѣка—лицъ митрополита Филарета.

Въ Академіи Петербургской въ 1814 году окончивался первый курсъ, долженствовавшій дать наставниковъ для другихъ, предназначавшихся къ открытію духовныхъ Академій, и для Семинарій, подлежащихъ реформѣ по новому проекту образования. Послѣ окончательнаго устройства Петербургской Академіи введеніе новаго Академическаго образования, по мысли высшаго духовнаго начальства, должно было послѣдовать въ предѣлахъ древней столицы государства — Москвы, въ которой отживала свой долгій вѣкъ старая Академія—Славяно-греко-латинская. Отъ 21 мая 1814 года къ преемнику Платона, архіепископу Августину, присланъ изъ св. Синода указъ, въ которомъ между прочимъ требовалось отъ преосвященнаго мнѣніе: „не найдетъ ли онъ за полезнѣйшее помѣстить будущую Московскую Академію въ Сергіевской лаврѣ“, и кто изъ наличныхъ наставниковъ старой Академіи и двухъ Семи-

нарий, Троицкой и Виоанской, можетъ быть рекомендованъ въ профессора Академіи, для чего потребовать отъ нихъ конспекты. Въ силу этого указа Августинъ предписалъ правленіямъ Славяно-греко-латинской Академіи, Троицкой и Виоанской Семинарій, слѣдующее: „правленія имѣють представить мнѣ: 1) какіе изъ находящихся при Академіи и Семинаріи учителя при преобразованіи по предположенному новому порядку ученія могутъ и впредь оставаться при нихъ съ несомнѣнною пользою, и по какимъ именно предметамъ; 2) на какіе учебные предметы нужно опредѣлить профессоровъ отъинуду; 3) тѣхъ учителей, которыхъ правленіе находитъ неспособными остаться при Академіи по преобразованіи оной, спросить, не желаютъ ли они поступить на священническія мѣста въ Москвѣ, или выдти въ свѣтское званіе, или быть учителями въ уѣздныхъ училищахъ, какія предполагаются въ Московской епархіи; 4) Академіи и Семинарій ректоры и префекты имѣють представить мнѣ для представленія въ комиссію духовныхъ училищъ конспекты тѣхъ наукъ, къ преподаванію которыхъ они чувствуютъ себя способными. То же объявить и учителямъ, съ тѣмъ, что они притомъ могутъ присовокупить и другіе какіе-либо опыты своего знанія. По сему представить намъ какъ можно скорѣе.“ Въ силу сего предписанія представили Августину конспекты изъ Московской Академіи: ректоръ Симеонъ, префектъ Пароеній, проповѣдникъ Никаноръ и учителя: французскаго языка іеромонахъ Гермогенъ и реторикъ іеродіаконъ Теокистъ; изъ Троицкой Семинаріи: ректоръ Евгений, префектъ Веніаминъ и учитель реторики іеродіаконъ Владиміръ; изъ Виоанской: ректоръ Неофитъ и префектъ Макарій. Конспекты, по пересмотрѣ Августиномъ, отправлены въ комиссію духовныхъ училищъ. При этомъ Августинъ писалъ (отъ 2 іюня) слѣдующее: „1) какъ зданія, въ которыхъ по-

мѣщается нынѣ Московская духовная Академія, состоящая въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, очень ветхи, не умѣстительны и по самому мѣстоположенію стѣснены, и, яко въ срединѣ города находящаяся, для высшаго училища со всѣмъ неспособны, то посему я почитаю нужнымъ Московскую Д. Академію учредить въ Троицкой Сергіевой лаврѣ и помѣстить оную въ тѣхъ самыхъ зданіяхъ, которыя нынѣ занимаютъ тамошнюю Семинарію, потому во-первыхъ, что мѣсто сіе удалено отъ столицы, а посему не представитъ юнымъ воспитанникамъ многихъ, а паче вредныхъ, развлеченій; во вторыхъ, потому, что никакое мѣсто, принадлежащее духовному вѣдомству въ Московской паствѣ, не имѣетъ столько зданій, удобныхъ для помѣщенія вновь учреждаемой Академіи, какъ Троицкая лаврская Семинарія, а особливо, ежели зданіе, чертогами именуемое, обратить въ пользу Академіи. Въ верхнихъ комнатахъ чертоговъ предполагаю и быть аудиторіи, конференціи, цензурному комитету, академическому правленію, и имѣть жительство ректору Академіи и инспектору. 2) Въ ректора новоучреждаемой Академіи и въ профессора богословскихъ наукъ рекомендую нынѣшняго Академіи ректора и богословія учителя архимандрита Симеона, ежели тому не будетъ препятствовать присутствіе его въ Московской Синодальной Конторѣ. Человѣкъ сей многими значительными опытами доказалъ какъ глубокое знаніе въ наукахъ богословскихъ, такъ и отличную способность къ прохожденію ректорской должности, и по долговременнымъ заслугамъ достоинъ высшаго назначенія. Въ инспектора Академіи и въ профессора философскихъ наукъ рекомендую нынѣшняго Академіи префекта, архимандрита Пароенія, который, сверхъ многихъ другихъ свѣдѣній, отличается познаніями философскими, и по особенному благонравію и дѣятельности своей весьма способенъ къ должности ин-

спектора академическаго, можетъ даже съ особенною пользою въ новоучреждаемой Академіи проходить должность и ректора и профессора богословскихъ наукъ. Какъ проповѣдникъ іеромонахъ Никаноръ имѣетъ отличныя способности и свѣдѣнія, то посему рекомендую его въ бакалавра историческихъ наукъ въ Академію.“ За симъ Августинъ рекомендовалъ Теофиста на должность профессора словесныхъ наукъ въ Академіи, Евгенія—въ ректора Московской Семинаріи, Веніамина — въ инспектора Семинаріи, Владиміра—въ учителя риторики въ Семинаріи, Неофита и Макарія предлагалъ оставить на занимаемыхъ ими должностяхъ въ Виѳанской Семинаріи; въ эту послѣднюю, на должность учителя риторики предлагалъ опредѣлить Перервинскаго учителя Михаила Воронцева (послѣ архимандритъ Митрофанъ), который по отзыву Августина „при отличныхъ дарованіяхъ и многихъ свѣдѣніяхъ имѣетъ необыкновенный даръ витійства и рѣдкую склонность къ ученымъ занятіямъ.“ Однакоже не всѣ рекомендаціи Августина были приняты въ уваженіе. По разсмотрѣніи конспектовъ (для составленія которыхъ, должно признаться, дано слишкомъ мало времени), комиссія дух. училищъ признала способными къ занятію ученыхъ должностей въ Академіи: Симеона, Никанора, Гермогена, Теофиста и Владиміра.

Относительно помѣщенія для новой Академіи, Синодальнымъ Оберъ-прокуроромъ Княземъ А. Н. Голицынымъ въ началѣ августа сдѣланъ былъ докладъ Императору Александру I, и Государь повелѣтъ соизволилъ: „находящійся въ Сергіевой лаврѣ корпусъ, чертогами называемый, употребить въ пользу учреждаемой въ ней Московской духовной Академіи.“ Учрежденный въ лаврѣ духовный Соборъ, получивъ предписаніе—сдать чертоги въ вѣдѣніе Академіи, сдалъ ихъ при посредствѣ казначея лавры Арсенія—пре-

фекту лаврской Семинаріи Веніамину во второй половинѣ августа 1814 года. На исправленіе и приспособленіе зданій Троицкой Семинаріи комиссія дух. училищъ разрѣшила употребить 30,000 р. асс. изъ суммъ Славяно-греко-латинской Академіи, хранившихся въ опекуновскомъ совѣтѣ *).

Въ то время, какъ въ будущей Академіи шли посѣшныя работы по устройству помѣщенія, комиссія дух. училищъ занималась избраніемъ наставниковъ и студентовъ для Академіи. Опредѣленіемъ 18 августа положено: „первый учебный курсъ въ новой Академіи составить изъ 70 воспитанниковъ, и для сего изъ Московской Славяно-греко-латинской Академіи вытребовать 20 человѣкъ, Лаврской Семинаріи 5, Виѳанской 6, Ярославской 4, Рязанской 8, Балужской 2, Владимірской 2, Вологодской 6, Костромской 8, Тульской 9.“ По опредѣленію комиссіи, состоявшемуся 19 августа, послѣдовало и назначеніе наставниковъ въ новую Академію: ректоромъ опредѣленъ проходившій ту же должность въ Славяно-греко-латинской Академіи архимандритъ Симеонъ Брыловъ, инспекторомъ—находившійся въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія, Волоколамскаго монастыря архимандритъ Филаретъ Амфитеатовъ; сверхъ того назначено 12 бакалавровъ; изъ нихъ трое учителей старой Академіи, одинъ изъ учителей Лаврской Семинаріи, прочіе восемь—воспитанники перваго курса Петербургской Академіи.

Между тѣмъ въ самый день своего тезоименитства, 30 августа (1814 г.), Императоръ Александръ подписалъ указъ, въ которомъ изъяснены Высочайшія намѣренія о воспитаніи духовнаго юношества, и въ которомъ сдѣ-

*) Дѣла архив. Моск. дух. консисторіи 1814 г., № 993. Дѣл. арх. Троиц. сем. 1814 г., №№ 180, 183, 186, 197.

лано указаніе на открытіе Московскаго учебнаго округа. Представляемъ его вполнѣ:

„Утвердивъ все, что комиссія духовныхъ училищъ мнѣ представила докладомъ своимъ 27 числа сего мѣсяца, я нужнымъ считаю изъяснить мои намѣренія о воспитаніи духовнаго юношества. Первый учебный курсъ Александроневской Академіи конченъ, образовавшей учителей для втораго курса С.-Петербургскаго округа и *открытія вновь Московскаго*; но я желаю, чтобы комиссія обратила свое вниманіе какъ на сихъ новообразованныхъ учителей, такъ и на самыя училища, чтобы устроить ихъ въ прямомъ смыслѣ *училищами истины*. Просвѣщеніе, по своему значенію, есть распространеніе свѣта и конечно должно быть того, который *во тьмѣ свѣтитъ и тьма его необязатъ*. Сего-то свѣта держась во всѣхъ случаяхъ, вести учащихся къ истиннымъ источникамъ и тѣми способами, коими Евангеліе очень просто, но премудро учитъ; тамъ сказано, что Христосъ есть *путь, истина и животъ*; слѣдовательно внутреннее образованіе юношей къ дѣятельному Христіанству да будетъ единственною цѣлю сихъ училищъ. На семъ основаніи можно будетъ созидать то ученіе, кое нужно имъ по ихъ состоянію, не опасаясь злоупотребленія разума, который будетъ подчиненъ освященію Вышнему. Я удостовѣренъ, что комиссія духовныхъ училищъ, призвавъ Спасителя въ помощь, употребитъ всѣ свои усилія къ достиженію цѣли, безъ которой истинной пользы ожидать нельзя.“

Въ сентябрѣ сдѣланы приемные экзамены новопоступавшимъ студентамъ.

Наступило 1-е октября—день, назначенный для открытія Академіи, день благознаменательный, въ который новый вертоградъ наукъ поручался покрову и заступленію Богоматери, обѣтовавшей быть неотступною отъ обители иноческой, вмѣстившей въ себѣ обитель ученія. Главою торже-

ства открытія Академіи былъ Августинъ, только за мѣсяць предъ тѣмъ съ саномъ Архіепископа получившій права настоятеля Троицкой Лавры. Въ 9 часовъ утра наставники и студенты собрались въ Троицкій соборъ къ литургіи, которую соборнѣ совершалъ Августинъ. Послѣ литургіи было молебствіе предъ начатіемъ ученія. Затѣмъ учащіе и учащіеся, приложась къ мощамъ преп. Сергія, по два въ рядъ шли въ царскіе чертоги. По совершеніи въ залѣ академической конференціи, водоосвященія и по возглашеніи многолѣтія Государю Императору съ Августѣйшею фамиліею и Св. Синоду, прочтенъ былъ инспекторомъ Академіи, архимандритомъ Филаретомъ указъ 30 августа. Послѣ того студентами воспѣтъ былъ слѣдующій кантъ:

Внемлите всѣ:—Монарха гласъ,
Гласъ вѣчной правды, гласъ священный,
Гремить—и восхищастъ насъ.
Благословенъ Благословенный!

Гремить—и мудрость, дщерь небесъ,
Свой храмъ пришедшимъ отверзаетъ;
Храмъ свѣта, истины, чудесъ.
Красой и высотой сіяетъ.

Блаженъ, кто съ чистою душой,
Съ желаньемъ пламеннымъ и вѣрой,
Грядетъ въ него прямой стезей,
Христовымъ умудрясь примѣромъ.

Онъ въ мірѣ новый міръ найдетъ;
Познавъ себя, познаетъ Бога,
И, дольнихъ образы прешедъ,
Войдетъ внутрь горняго чертога.

Стремитесь юныя сердца
Небеснымъ свѣтомъ озариться;

Со славою сего вѣнца
Ничто не можетъ соравниться.

Внемлите всѣ:—Монарха гласъ,
Гласъ вѣчной правды, гласъ священный,
Гремитъ—и восхищаетъ насъ.
Благословенъ Благословенный!

Послѣ канта ректоръ архимандритъ Симеонъ произнесъ слѣдующую рѣчь: „Да будетъ благословенъ во вѣкъ сей благословенный день, который полагаетъ новое начало путей къ Божественному свѣту, открываетъ средства къ пріятію небесныхъ даровъ благодати!—Священно торжество сіе: ибо есть торжество вѣры къ Богу и любви къ роду человѣческому.

„Всевышній Свѣтодавецъ всегда посылалъ къ земнороднымъ *святъ Свѣтъ и истину Свою, да наставятъ ихъ и введутъ въ гору святую Его* (Пс. XLII, 3), въ жилище пренебеснаго свѣта. Вожди народовъ, по мѣрѣ способностей, образовали собою тѣ избранныя вмѣстилища свѣта, отъ коихъ изливалось сіяніе на плавающихъ въ бурномъ морѣ сея жизни.—Человѣкъ тогда токмо утоналъ въ безднѣ золь, когда нехотѣлъ направлять путь свой при свѣтильникѣ небесной Истины: и тогда токмо наслаждался блаженствомъ, когда любилъ озаряться лучами горней премудрости. Въ сейто собесѣдницѣ Творца вселенныя, въ сей другинѣ чистѣйшихъ духовъ обрѣтается все совершенство, все счастье человѣка!

„Но востекатькъ совершенству предоставлено смертному постепеннымъ токмо шествіемъ. Были столь мрачныя времена, когда обитатели полунощи, праотцы наши, не имѣли ни счастливыхъ случаевъ, ни искуснѣйшихъ руководителей, дабы соединить съ природною твердостію духа истинное просвѣщеніе ума и сердца. Поздно началась эпоха Россіи,

возрожденной духомъ въ банѣ паки-бытія. Но и послѣ сего возрожденія самыя святаыя намѣренія избранинѣйшихъ Монарховъ, коими всегда гордилось наше отечество, не имѣли иногда желаемыхъ успѣховъ. Промысль небесъ, располагающій все *мърою и въсомъ*, конечно зналъ, какимъ лучше предоставить сіе временамъ.

„Благочестивая Елисавета въ семь домѣ, созданномъ великимъ родителемъ Ея, насадила вертоградъ духовныхъ наукъ, который приносилъ обильные плоды къ славѣ святой Церкви и Отечества. Юные птенцы благочестія гнѣздились подъ симъ кровомъ вѣщеносцевъ, и оперялись, дабы направлять свой полетъ, подобно птенцамъ орлинымъ, прямо къ солнцу незаходимому.

„Монархъ свыше благословенный, слава царей земныхъ, утѣха народовъ, желаніе и любовь чадъ своихъ, Александръ Первый восхотѣлъ вновь возвысить стѣнень образованія служителей олтара, и украсить жребій служенія ихъ.

„И какое мѣсто въ здѣшнемъ краю Россіи Богоизбранный отецъ Россіянъ избралъ мѣстомъ обители высшихъ познаній? Обитель уединенной, но Богомъ прославленной въ концахъ міра добродѣтели, дабы тѣмъ научить питомцевъ наукъ чрезъ уединеніе отъ міра пріуготовлять себя къ проповѣданію славы Божіей во всемъ мірѣ. Для сего-то, яко стражъ небесной истины, вопіетъ Онъ къ намъ, да будутъ сіи училища *училищами истины*; Иисусъ едиnorodный Сынъ Божій, да будетъ для насъ единственнымъ *путемъ*, единственною *истиною* и единственнымъ *животомъ*! (Іоан. XIV, 6).

„Красуйся, святая обитель святыхъ Угодниковъ, симъ новосажденнымъ вертоградомъ благочестія! Да будетъ онъ, подъ кровомъ небесной благодати, всегда пріосѣняющимъ сіе священное мѣсто, красотою святыхъ Церкви, и да приноситъ сладчайшіе плоды къ благоденствію Отечества!

„Сотрудники, почтенные наставники! соединимъ всѣ наши силы, всѣ попеченія, да соотвѣтствуемъ служеніемъ нашимъ предположенной намъ цѣли; да будемъ достойны избранія благодѣтельнаго и чадолюбиваго начальства!—

„Юноши, вступающіе въ новое поприще наукъ! потщитесь вашимъ прилежаніемъ, преуспѣвая купно въ благочестіи и добродѣтели, оправдать надежды, кои полагають въ васъ святая Церковь и любезное всѣмъ намъ Отечество!— Сей добрый Пастырь своего стада, коего попеченію ввѣрена ваша участь, не оставитъ устроить ваше спокойствіе. Знаменуйте убо признательность вашу къ отеческому о васъ смотрѣнію ревностиѣйшимъ и неослабнымъ теченіемъ въ подлежащемъ вамъ подвигѣ истиннаго просвѣщенія, и помните, что оное открывается свыше токмо незлобивымъ младенцамъ, токмо незараженнымъ духомъ суемудрія и своеволія, токмо кроткимъ и смиреннымъ сердцемъ!

„Всесильный и всеблагій Боже! да будутъ очи милосердія Твоего отверсты выну на сей храмъ наукъ! Низпосылай на насъ свѣтъ Твой и истину Твою, да наставляють они и учащихъ и учащихся, и введутъ въ обители Твоего Божественнаго свѣта!“

За тѣмъ бакалавръ богословскихъ наукъ, магистръ Григорій А. Левитскій произнесъ слово: „о свойствѣ духовнаго просвѣщенія и нравственныхъ качествахъ ищущихъ онаго.“ Торжество окончилось пѣніемъ другаго канта и краткимъ наставленіемъ Августина студентамъ *).

Приступая къ изображенію исторіи Академіи, мы не можемъ не замѣтить въ ея исторіи поразительнаго явленія: въ продолженіе всего періода мы усматриваемъ въ ней единство духа и направленія образованія, и это отъ того,

*) „Московск. Вѣдомости 1814 г. № 82. Сочиненія на случай открытія Моск. Духовной Академіи. М. 1815. См. приложение № 1.

что почти съ самаго основанія ея и до конца періода она находилась подъ водительствомъ одного вождя—великаго святителя Московскаго Филарета. Въ 1815 году еще въ санѣ архимандрита видимъ его ревизоромъ Академіи; въ 1818 году, когда онъ былъ въ санѣ епископа Ревельскаго, ему дано тоже порученіе, которое повторилось и въ 1820 году, когда онъ былъ Тверскимъ архіепископомъ. Въ 1821 году онъ вступилъ на кафедру святителей Московскихъ и управлялъ Академіею почти до конца 1867 года. Такимъ образомъ можно сказать, что исторія Академіи въ теченіе пятидесяти шести лѣтъ имѣла одинъ періодъ. —